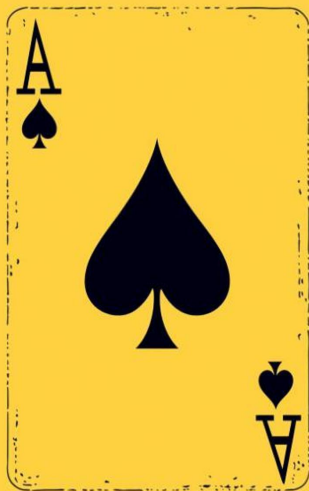

Александр Восьмой

Книга 9. «Шестеро у Бездны»

18+

Александр Восьмой

Книга 9. «Шестеро у Бездны»

<https://litres.ru/74430162>

SelfPub; 2026

Аннотация

Все вместе — впервые с начала пути. Фаргус без тени, но с памятью. Прима и Окси возвращены из невидимости и зеркала. Оптима — с новой правдой о себе. Даффи — голодный, но помнящий. Сиринити — тикающая. Они стоят у края Бездны — последней двери Разлома. Чтобы выйти, нужно спуститься. Но Бездна не пропускает тех, кто что-то унёс из Разлома. А все унесли — по куску себя, отданному взамен. Книга о выборе: что оставить, что забрать, а что — разрушить. Даффи впервые боится не за себя. Сиринити впервые колеблется. Фаргус впервые возвращается — не из леса, а из себя.

Александр Восьмой

Книга 9. «Шестеро у Бездны»

Глава 1. Край, где кончается дорога

Ветер рвал небо на лоскуты, и каждый лоскут звенел, будто натянутая струна. Шестеро стояли у обрыва — впервые рядом, впервые без слов, будто любой звук мог обрушить этот хрупкий мир.

Оптимас смотрел вниз, туда, где горизонт терялся в серой дымке, а воздух становился густым, как смола. В его взгляде читалась не просто решимость — в нём была тяжесть принятого ещё до этой минуты выбора. Фаргус стоял чуть в стороне, и тень его не ложилась на землю: он был здесь, но будто наполовину отсутствовал, словно часть его осталась где-то в прошлом, в том самом лесу, из которого он вернулся не телом, а памятью.

Прима держала Оксис за локоть, пальцы её сжимались чуть крепче, чем нужно, — не от страха, а чтобы удержать обоих: себя и того, кто только что вернулся из зеркала, из невидимости. Оксис смотрел вперёд, будто пытался разглядеть в этой пустоте отражение чего-то настоящего. Его глаза ещё хранили холод стекла, а в движениях сквозила неуверенность — словно он не до конца верил, что снова стал плотью.

Даффи Толстяк молчал — и это было страшнее любых шуток. Обычно он прятал страх за словами, рассыпал их, как камешки, чтобы не слышать тишины. Но сейчас тишина накрыла всё, и Даффи впервые боялся не за себя, а за тех, кто стоял рядом. Он сжимал кулаки, и в этом жесте было что-то детское — будто он хотел собрать всю свою храбрость в один твёрдый комок.

Сиринити стояла неподвижно, и даже её привычное тиканье, этот вечный отсчёт, на миг стихло. Впервые она колебалась. Время, которое она так уверенно держала в ладонях, вдруг стало слишком тяжёлым. Она смотрела на край обрыва, будто пыталась вычислить, сколько секунд понадобится, чтобы всё рухнуло — или чтобы всё наконец началось.

Бездна дышала. Это не было ветром, не было движением воздуха — это был ритм, глухой и тяжёлый, как пульс земли. И в этом дыхании слышалось предупреждение: «Ты не пройдёшь, пока не отдашь».

Оптима сделал шаг вперёд. Камень под ногой хрустнул, как сухая кость.

— Мы не можем стоять здесь вечно, — проговорил он, и голос его прозвучал непривычно тихо, будто он боялся разбудить то, что спало внизу.

Фаргус поднял голову, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на понимание.

— Бездна не пускает тех, кто что-то унёс, — произнёс он, словно повторял чужую фразу, но она вдруг стала его соб-

ственной.

Прима крепче сжала локоть Окси.

— А мы все что-то унесли, — тихо сказала она.

Окси кивнул, будто только сейчас осознал это.

— Кусок себя. Отданный взамен.

Даффи сглотнул.

— И что теперь? Оставить? Просто бросить?

Сиринити наконец заговорила, и её голос прозвучал твёрдо, будто она снова нашла свой ритм.

— Не бросить. Отдать осознанно. Это не потеря. Это плата за проход.

Оптимиста посмотрел на каждого по очереди — на их лица, на тени, на свет, который ещё цеплялся за них.

— Тогда давайте решим, что мы готовы отдать. Потому что назад дороги нет.

Ветер снова рванул небо, и на этот раз лоскуты не просто звенели — они пели, и песня эта была похожа на прощание. Шестеро шагнули к краю, и мир вокруг них дрогнул, как отражение в треснувшем зеркале.

Бездна ждала. И она знала: каждый из них уже начал отдавать.

Глава 2. Цена, которую каждый уже заплатил

Они сели в круг, потому что Бездна не терпела спин. Она хотела видеть лица — все шесть, без исключения. И они сели, как садятся перед исповедью: не глядя друг на друга, но

чувствуя каждого.

Оптима заговорил первым. Не потому что смелый — потому что молчать было тяжелее.

— Я отдал имя, — сказал он, и слова прозвучали плоско, будто без подписи под портретом. — Разлом спросил, кто я. Я ответил. Он забрал ответ и оставил мне пустоту на том месте, где раньше было «я — Оптима». Теперь я просто — мужчина, который помнит, как его звали. Но звать некому. Имя ушло в трещину, и оттуда никто не откликается.

Тишина. Потом Фаргус поднял руку и посмотрел на землю — туда, где не было его силуэта.

— Тень, — произнёс он. — Я отдал тень. Разлом сказал: «Без неё ты станешь легче». И стал. Легче настолько, что земля перестала чувствовать меня. Я хожу — и не оставляю следа. Я стою — и никто не может сказать, здесь я или уже ушёл. Но память осталась. Я помню, как тень ложилась на траву. Помню её форму. И это хуже, чем если бы забрали память, а тень оставили.

Прима разжала пальцы на локте Окси и медленно подняла ладони к лицу. Посмотрела сквозь них — будто сквозь мутное стекло.

— Отражение, — тихо сказала она. — Зеркала больше не знают меня. Вода проходит сквозь, как сквозь призрака. Я существую — но не для поверхностей. Разлом забрал доказательство того, что я есть. Осталась только чужая вера. Если вы перестанете верить, что я рядом — я исчезну. Не умру.

Просто перестану.

Окси рядом с ней шевельнул губами — и из них не вышло ни звука. Он кивнул, и Прима перевела:

— Он отдал голос. Разлом взял звук — весь, до последней ноты. Окси говорит, но мир не слышит. Он кричит — и крик остаётся внутри, как птица в стеклянной клетке. Он отдал голос и получил взамен тишину, которая тяжелее любого крика.

Даффи сидел, обхватив колени, и смотрел на свои руки — крупные, тёплые, но уже не свои до конца.

— Голод, — сказал он, и слово прозвучало почти с облегчением, будто он давно хотел его произнести. — Я отдал голод. Не аппетит — именно голод. Тот, который гнал вперёд, заставлял вставать, искать, бороться. Разлом забрал его, и теперь я сыт. Но сытость — страшнее голода. Я больше ничего не хочу. А когда человек перестаёт хотеть — он начинает забывать, зачем вообще шёл.

Он замолчал, и все увидели: Даффи не шутит. Даффи не сможет пошутить. Тот, кто отдал голод, отдал и жажду смеяться.

Сиринити заговорила последней. Её голос звучал мерно, будто каждое слово было отмерено невидимым метрономом.

— Я отдал время, — сказала она. — Не своё — чужое. Разлом позволил мне держать время в руках, останавливать, возвращать, переживать заново. Но за каждое касание времени он брал кусок моего будущего. Теперь я не знаю, сколь-

ко у меня осталось. Я тикаю — но не знаю, когда остановлюсь. Каждый ход — это шаг к тишине, из которой не возвращаются.

Она коснулась груди, там, где должно было биться сердце. Звук был ровным, но в нём уже угадывался призывок песчинок, пересыпающихся в перевёрнутых часах.

Оптимист взглянул кругом. Шесть фигур на краю мира. Каждый — с дырой внутри, аккуратно вырезанной, словно Разлом орудовал скальпелем, а не трещиной.

— Итак, — произнёс он, и голос его, лишённый имени, всё ещё звучал как голос того, кто умеет решать. — Мы все заплатили. Каждый отдал ровно то, без чего, как ему казалось, невозможно жить. И каждый унёс взамен то, без чего жить оказалось можно — но не нужно. Фаргус унёс память о тени. Прима — чужую веру в себя. Окси — тишину, которая не отпускает. Даффи — сытость, которая убивает желание. Сиринити — неопределённость, которая каждый миг может оказаться последней.

Он выдержал паузу. Бездна дышала ровно, как спящий зверь.

— А я унёс правду о себе. Новую. Ту, что Разлом показал мне вместо имени. И эта правда тяжелее всего, что я отдал. Фаргус поднял на него глаза.

— Какая правда?

Оптимист не ответил. Он посмотрел вниз — туда, где Бездна раскрывалась, как пасть, терпеливая и голодная.

— Когда спустимся — узнаете все. Или не узнает никто.

Ветер стих. Песок замер. Мир как будто затаил дыхание, и только Сиринити тикала — ровно, тихо, неумолимо. Шестеро сидели на краю, и каждый держал в руках свою цену, как держат осколок разбитого зеркала — осторожно, потому что край режет, и бросить нельзя, и оставить при себе больно.

Бездна ждала ответа. И ответом должна была стать не речь — а шаг.

Глава 3. Спуск не начинается, пока не замолчит последний

Фаргус шагнул вперёд — резко, будто хотел обмануть Бездну скоростью. Но она не знала спешки. Невидимая стена ударила его в грудь и отбросила назад, как игрушку, сорвавшуюся с нити. Он упал, перекатился, поднялся — и в его глазах мелькнуло не удивление, а горькое узнавание: Разлом не шутит.

Оптимист поймал его за плечо, удержал, не дав снова рвануться к краю.

— Она не откроется, пока ты несёшь то, что взял, — говорил он тихо, но так, что слышали все. — А мы все что-то взяли. Память, веру, тишину... даже сытость. Даже неопределённость.

Прима подошла к самому краю, но не смотрела вниз — она смотрела на отражение пустоты в собственных ладонях.

— Он не отдаст память о тени просто так, — сказала она,

кивнув на Фаргуса. — Без этого он не поймёт, кем был. А если не поймёт — не поймёт, кем стал.

Фаргус стиснул кулаки. На его лице проступила упрямая тень — нет, не настоящая, а та, что рождается из злости и боли.

— Я не брошу её, — прохрипел он. — Пусть лучше она меня не пустит. Пусть лучше я останусь здесь, чем стану тем, кто не помнит, где его след.

Окси положил руку ему на плечо. Без слов. Просто чтобы сказать: «Я рядом». И в этом жесте было больше, чем в любом крике.

Даффи Толстяк стоял чуть поодаль, будто боялся, что его вес притянет их всех вниз.

— А если мы не сможем отдать? — прошептал он. — Если это не просто вещь, которую можно положить на землю и уйти? Если это часть нас?

Сиринити впервые не тикала. Она замерла, прислушиваясь к тишине внутри себя — к той, что была страшнее любого отсчёта.

— Бездна не просит выбросить, — сказала она наконец. — Она просит не нести. Не цепляться. Не тащить за собой, как якорь.

Оптимедленно обвёл взглядом шестерых. Ветер стих, и мир стал стеклянным — таким, что любой резкий звук мог его расколоть.

— Значит, нужно не бросить, — произнёс он. — Нужно

перестать держать.

Он шагнул к краю и остановился там, где воздух становился густым, как смола.

— Я начну. Я не буду держать правду, которую мне показали. Не буду прятать её, не буду гордиться ею, не буду бояться её. Я просто перестану её нести.

И он закрыл глаза. Не чтобы спрятаться — чтобы перестать видеть эту правду как груз.

На миг всё замерло. Даже Бездна будто затаила дыхание.

Потом Фаргус выдохнул. Его плечи опустились, и в этом движении было что-то похожее на смирение.

— Память о тени... — пробормотал он. — Я не отдам её. Но я перестану сжимать её в кулаке. Пусть она просто будет.

Он разжал пальцы. Не в пустоту — в воздух, который тут же подхватил это признание и унёс его куда-то между мирами.

Прима подняла ладони и посмотрела сквозь них — так, словно впервые увидела в этой прозрачности не потерю, а свободу.

— Пусть зеркала забудут меня, — сказала она. — Пусть вода не отражает. Я буду существовать не для поверхностей. Я буду для тех, кто смотрит прямо.

Окси не произнёс ни звука — но в его взгляде читалось: он согласен. Он готов перестать сжимать тишину в груди, позволить ей стать фоном, а не клеткой.

Даффи глубоко вдохнул.

— Сытость... — прошептал он. — Я больше не буду прятаться за ней. Пусть голод вернётся. Пусть я снова чего-то хочу. Пусть я снова буду живым.

Сиринити коснулась груди, и на этот раз в её движении не было страха.

— Время... — сказала она. — Я перестану его считать. Пусть оно течёт само. Пусть я просто иду вместе с ним, а не впереди.

Шестеро стояли у края, и каждый в этот миг перестал держать свою ношу. Не выбросил — просто разжал пальцы, позволив ветру унести тяжесть.

Бездна вздохнула. Не яростно, не грозно — а как будто с облегчением. И её пасть медленно раскрылась, обнажая лестницу из тёмного камня, уходящую вниз, туда, где свет ещё не родился, но уже ждал своего часа.

Оптимас сделал первый шаг. Камень под ногой не хрустнул — он отозвался глухим, уверенным звуком, будто земля сама звала их вперёд.

Остальные пошли следом. Не бегом, не в панике — ровным шагом, как идут те, кто наконец перестал тащить за собой прошлое.

Тишина вокруг стала другой. Не мёртвой, а живой — такой, в которой слышно, как бьются сердца. И даже Сиринити снова начала тикать, но теперь её отсчёт звучал не как приговор, а как ритм, который вёл их вперёд.

Спуск начался.

Глава 4. Фаргус без тени

Ступени вели вниз, но Фаргус остановился. Не потому что испугался — потому что услышал. Где-то за рёбрами, в том месте, где раньше лежала тень, что-то шевельнулось. Не боль. Не память. Хуже. Узнавание.

Он повернулся к остальным. Лицо его было белым, будто из него вытянули не только тень, но и кровь.

— Подождите, — сказал он.

Оптима остановился, не оборачиваясь. Он знал, что бывает, когда человек просит подождать на краю спуска. Это значит: ему нужно сначала пройти не вниз, а внутрь.

Фаргус сел на ступень. Камень был ледяной, но он не чувствовал холода — без тени тело перестало различать крайности. Жара и мороз стали одним и тем же: отсутствием.

И тогда началось.

Тень, которую он отдал в Разломе, была не силуэтом на земле. Она была вторым «я» — тёмным, честным, безжалостным. Той частью, которая помнит всё: каждый стыдный поступок, каждое бегство, каждую секунду, когда он мог остаться, но ушёл. Фаргус отдал её, чтобы не помнить. А Разлом взял — и вернул обратно. Не тень. Память.

Она шла изнутри, волна за волной.

Вот он — мальчишка, который бросил младшую сестру у закрытой двери, потому что испугался темноты. Вот он — юноша, который соврал, чтобы спасти себя, и ложь выросла

в стену между ним и тем, кого он любил. Вот он — тот, кто бежал из леса не потому что смелый, а потому что трус. Бежал так быстро, что тень не успела за ним, и осталась там, среди деревьев, кричать его голосом.

Фаргус закрыл глаза. За закрытыми веками было хуже — там воспоминания имели цвет, и цвет был чёрным.

— Тень помнила всё, — прошептал он. — Всё, что я хотел забыть. А я хотел забыть не боль. Я хотел забыть, что был причиной.

Прима опустилась рядом с ним на ступень. Не коснулась — просто села, чтобы он знал, что не один.

— Ты не причина, — тихо сказала она. — Ты человек, который не успел.

Фаргус открыл глаза и посмотрел на неё. В его взгляде не было благодарности — была ярость. Не на неё. На себя.

— Я успевал. Каждый раз. Я просто выбирал не успеть.

Окси стоял чуть выше, на ступенях, и молчал — но его молчание было другим, чем у остальных. Он, отдавший голос, знал цену тишины. И он знал: иногда тишина — единственное, что можно дать. Не совет, не утешение. Просто присутствие.

Даффи Толстяк сидел ниже всех, обхватив колени, и слушал. Впервые он не пытался смягчить, развеселить, отвлечь. Он слушал, как слушают приговор — не перебивая, не отводя глаз. И в этом молчании Даффи становился больше, чем в любой шутке.

Сиринити тикала ровно, и каждый удар был как метка на невидимой шкале. Она не ускоряла время, не замедляла. Просто позволяла ему течь — и это было её подарком Фаргусу: право прожить это столько, сколько нужно.

Фаргус поднял руки и посмотрел на них. Пальцы дрожали.

— Когда я отдал тень, — проговорил он медленно, будто складывая слова из осколков, — я думал, что отдаю лишнее. Тёмное. Чужое. Но тень — это не тьма. Тень — это то, что остаётся, когда свет уходит. Это форма, которую ты принимаешь, когда на тебя не смотрят. Это правда без свидетелей.

Он сжал кулаки, и дрожь прекратилась.

— Я помню всё. Сестру у двери. Ложь. Бегство из леса. И я больше не могу сказать «это не я». Это я. Всех. Каждую секунду.

Оптим, всё это время стоявший спиной, наконец обернулся. Лицо его было спокойным, но в глазах стояла вода — не слёзы, а та тяжесть, что бывает у тех, кто знает: чужая правда больнее собственной.

— Теперь ты цел, — сказал он.

Фаргус поднял на него взгляд.

— Я без тени. Как я могу быть цел?

— Тень не делала тебя целым. Память — делает. Тень была проекцией. Память — это ты. Без неё ты был силуэтом. Теперь — нет.

Фаргус долго смотрел на него. Потом медленно поднялся. Колени подрагивали, но он стоял.

И в этот момент произошло то, чего не ждал никто.

На стене лестницы, в свете, что падал сверху, проступил силуэт. Его силуэт. Чёрный, чёткий, живой. Тень лежала на камне, вытянувшись, будто устала от долгого ожидания.

Фаргус замер. Остальные — тоже.

Тень не вернулась. Тень никогда не уходила. Она ждала внутри — в памяти, в правде, в признании. И теперь, когда он перестал прятаться от неё, она легла на землю, как ложится спящая птица на ветку: тихо, доверчиво, навсегда.

Фаргус шагнул на ступень ниже. Тень двинулась следом — послушно, точно, как в первый день его жизни.

Он не обернулся. Но его плечи распрямились, и в этом движении было всё: и сестра у двери, и ложь, и лес, и крик. Он нёс это — не как тяжесть, а как вес. Вес, который отличает живого от пустого.

Спуск продолжился. Фаргус шёл первым — не потому что смелый. Потому что теперь он мог.

Глава 5. Прима и Окси: два минус два

Ступени сужались. Чем глубже — тем теснее, будто стены Бездны сдвигались, выдавливая лишнее. И лишним оказалось расстояние между Примой и Окси — то самое, что когда-то было связью, а стало пропастью.

Они шли рядом, но между ними лежал мир.

Прима видела Окси. Каждый штрих: как он морщит лоб, когда думает; как дрожит жилка на виске; как пальцы ищут

опору и не находят. Она видела его так ясно, как видят только тех, кого боятся потерять. Но из его рта не выходило ни звука. Губы шевелились — и тишина. Он говорил, кричал, шептал — и тишина. Стеклянная, абсолютная, как воздух перед взрывом.

Окси слышал Приму. Каждое слово: как она выдыхает на повороте; как её голос ломается на согласных; как она произносит его имя — дважды, потому что первый раз всегда себе. Он слышал её так точно, как слышат только тех, кто вернулся. Но не видел. Перед ним была пустота — тёплая, пахнущая ею, но пустая. Он протягивал руку — и касался воздуха, который знал её форму, но не давал её.

Разлом не просто забрал у каждого по куску. Он разрезал связь — аккуратно, как хирург, — и каждому отдал половину, которая не работала без другой. Прима — глаза. Окси — уши. Два приёмника, настроенные на разных частотах. Два полушария одного мозга, разделённые трещиной.

Бездна ждала. Она не торопила. Она знала: рано или поздно один из них не выдержит.

Первой не выдержала Прима.

— Я не вижу тебя! — крикнула она — не Окси, а в стену, в камень, в темноту, которая заслоняла его от неё. — Я слышу, как ты дышишь, но не вижу, где ты! Я знаю, что ты рядом, но передо мной — ничего!

Окси вздрогнул. Он слышал её крик — слог, каждый срыв. И ответил. Губы его сложили слова, горло напряглось,

грудь дрогнула от усилия. Но звук остался внутри — запертый, задохнувшийся, как птица в стеклянной клетке.

Прима не услышала.

Она прижала ладони к лицу, и в этом жесте была та же мука, что в жесте человека, который пытается удержать воду между пальцами.

— Мы были одним, — прошептала она. — Я видела то, что он слышал. Он слышал то, что я видела. Мы были — вместе. А теперь я — глаза без ушей. А он — уши без глаз.

Даффи Толстяк, шедший позади, остановился. Его руки повисли. Он смотрел на них — на Приму, которая видела и не слышала, и на Окси, который слышал и не видел, — и в его груди, там, где раньше жил голод, что-то дрогнуло. Не аппетит. Не смех. Жалость — та, что не жалеет, а действует.

— Стойте, — сказал Даффи. Голос его был тихим, и от этого — оглушительным.

Все остановились. Даже Сиринити.

— Вы не два минус два, — произнёс Даффи, и каждое слово звучало непривычно серьёзно, будто он давно носил эту мысль и только сейчас решился достать её. — Вы два. Разлом отнял у каждого по одному. Но он не отнял у вас друг друга. Он отнял у вас привычку доверять.

Прима подняла на него глаза. Окси повернул голову — в ту сторону, откуда шёл голос.

— Прима, — продолжил Даффи, — ты видишь его. Расскажи ему, что ты видишь. Не для себя — для него. Он слеп.

Будь его глазами.

— Окси, — Даффи повернулся к нему, — ты слышишь её. Расскажи ей, что ты слышишь. Не для себя — для неё. Она глуха. Будь её ушами.

Тишина. Бездна замерла, как замерает зритель перед кульминацией.

Прима посмотрела на Окси. Она видела его — всего, целиком, до дрожи в ресницах. И начала говорить.

— Ты стоишь на две ступени ниже меня. Левая рука прижата к груди. Ты моргнул — три раза за последние пять секунд. Ты боишься. Но ты не уходишь.

Окси услышал. Каждое слово вошло в него, как свет в тёмную комнату. Он открыл рот — и снова тишина. Но на этот раз он не закрыл его. Он шевелил губами, и Прима — Прима, которая видела — читала.

— «Я слышу, как ты дышишь, — прочитала она по его губам. — Ты дышишь чаще, чем обычно. Ты тоже боишься. Но ты не уходишь».

Они замолчали. Но это было не молчание разъединения — это было молчание узнавания.

Фаргус, стоявший выше, наблюдал. Тень его лежала на камне, ровная и послушная. Он молчал, но в его взгляде было то, что бывает у людей, увидевших чужое чудо: тихая, почти болезненная нежность.

Оптим не смотрел. Он слушал. И Сиринити слушала — и тикала ровно, мерно, будто отмеряя время не для конца,

а для начала.

Прима сделала шаг вниз. Потом ещё. Она шла к Окси — не на ощупь, не вслепую, а глядя, потому что видела. Каждый шаг она описывала вслух:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.